

**ЭНКОМИЙ НИКИФОРА ГРИГОРЫ
КОРОЛЮ КИПРА ГУГО IV ЛУЗИНЬЯНУ
(из истории кипрско-византийских
идеологических связей середины XIV в.)**

К настоящему времени энкомий Никифора Григоры, обращенный к королю Кипра, издан уже трижды. Первая публикация принадлежит Лаврентию Норрманну¹. В ней греческий текст напечатан с параллельным латинским переводом и приписан Фоме Магистру. Издание Л. Норрманна было воспроизведено без всяких изменений Ж. П. Минем². Наконец, в 1981 г. вышла в свет научно-критическая публикация, подготовленная Пьетро Луиджи М. Леоне³. Энкомий еще не переведен на новые языки.

Долгие годы в науке автором энкомия считали византийского филолога Фому Магистра. Такого мнения, вслед за Л. Норрманном и Ж. П. Минем, придерживался и М. Трой⁴. Если Л. Норрманн подразумевал под словами «великий город»⁵ столицу империи Константинополь, то М. Трой — родной город Фомы Магистра Фессалонику⁶, которую он рассматривал как место написания энкомия. Но уже М. Трой высказал некоторое сомнение в принадлежности энкомия Фоме Магистру и обратил внимание на тот факт, что Никифор Григора хотел написать энкомий в честь короля Кипра⁷. В 1926 г. Р. Гийан доказал, что автором энкомия мог быть только Никифор Григора⁸.

Время написания энкомия аргументированно обосновал П. Л. М. Леоне⁹. Панегирик был написан после 21 ноября 1351 г., а именно в конце 1351 — начале 1352 г.

Энкомий состоит из трех глав и насчитывает в общей совокупности 120 строк греческого текста. Главы неравномерны по объему: первая — наибольшая (58 строк), вторая (29) и третья (33) вместе почти равны первой главе.

При анализе энкомия важно учитывать идейно-политическую позицию Никифора Григоры. Этот видный византийский ученый и политический деятель живо интересовался историей, философией, математикой, астрономией. С благоговением относился он к Платону, которому во всем подражал. Будучи противником латинской схоластики, реальной унии и сближения с Западом, Никифор Григора особенно решительно выступил против исихастской мистики, пройдя путь от приверженца нейтралитета до лидера антипаламитской партии. Резко осуждал междоусобицы и народные движения. Осознавая растущую угрозу со стороны турок-османов, Григора относился к ним крайне враждебно. Нужно учитывать, что Никифор Григора и Иоанн Кантакузин, правивший в качестве императора с 8 фев-

раля 1347 г. по 21 ноября 1354 г., принадлежали к противостоявшим политическим группировкам господствующего класса¹⁰. Понимание характера Кипрского государства и политики его короля, отраженное в энкомии Никифора Григоры, свойственно не просто ромеям, а представителям антикантакузианской политической группировки.

Личная судьба Никифора Григоры также не может быть забыта при характеристике энкомия. Из трех глав панегирика особо выделяется последняя. Она посвящена только одному конкретному вопросу — отношению к пленным. Две первые главы носят более общий характер. Сначала Никифор Григора рассматривает доказательства права Кипра на первостепенную славу среди других земель и народов. Далее (во второй главе) энкомиаст оценивает и конкретно описывает справедливые порядки в Кипрском государстве. В третьей же главе, которая по содержанию стоит особняком, автор панегирика проявляет чрезвычайно живой, прочувствованный интерес к судьбе пленных, и не только на Кипре, но и во всей ойкумене. Легко понять такую заинтересованность Никифора Григоры. Он находился в заточении в Хорском монастыре в 1351—1355 гг. Именно в этот тягостный период жизни Никифор Григора и составил свой энкомий. В условиях победы паламизма в 1351 г. Григора был отлучен от церкви, репрессирован и находился в заточении до возвращения к власти в 1355 г. Иоанна V Палеолога.

Оценка Никифором Григорой Кипра интересна для изучения истории собственно Византии, затем истории Кипра и, наконец, исследования характера взаимоотношений между империей и Кипрским королевством¹¹. Несмотря на стремление энкомиаста избегать реалий, панегирик содержит немало сведений по самым различным вопросам. Конечно, в энкомии отсутствуют даты, названия городов, имена деятелей Кипрского государства. Даже имя того короля, к которому обращен энкомий, не называется. Если учесть время составления панегирика, легко установить, что энкомий предназначался для Гуго IV Лузиньяна, 10-го из 18 королей династии Лузиньянов (1192—1489 гг.), правившего с 15 апреля 1324 г. по 10 октября 1359 г.¹²

Энкомий показывает, что общественные связи Кипра и Константинополя были интенсивны в середине XIV в. Средиземное море называется «нашим» и «укрошенным», а водное пространство от Кипра до Константинополя — «нашим морем». Кипр предстает в изображении Никифора Григоры как часть ойкумены. Энкомиаст сообщает сведения о ее границах, компонентах, обрисовывает то общее, что связывает отдельные части цивилизованного мира в единое целое. Столица «вселенной» Константинополь называется «великим городом». Это наименование можно присоединить к тем впечатляющим тропам, которые служили для обозначения столицы — «царица городов», «царствующий город», «Царьград», «дом божий», «новый Рим»,

«второй Рим», «вторые Афины», «око вселенной», «царственный город».

В энкомии встречается греческий термин, которым византийцы именовали короля, и дается совокупность эпитетов, которыми мог наделяться государь сопредельной страны. Никифор Григора повествует о главных добродетелях правителя Кипра и рисует свой идеал монарха как в теории, так и в его конкретном воплощении. Большой интерес представляют сведения о сущности административной и судебной реформ Гуго IV, о характере его внутренней экономической политики. Подробно обсуждается проблема пленных. Убедительны данные о поддержке королевской властью Кипра просвещения и науки. Об этой сфере деятельности Гуго IV было хорошо известно в Европе. Джованни Боккаччо посвятил ему свой трактат «О генеalogии богов».

Панегирик расширяет наши знания о представлениях ромеев о мире, его устройстве и географии. Наконец, можно глубже ознакомиться и с литературными симпатиями и вкусами Никифора Григоры. Он упоминает мифологические образы, имена античных мыслителей. В энкомии встречаются эксцерпты из сочинений Платона, Гомера, Диогена Лаэртского, Софокла (перечислены в той последовательности, в какой зафиксированы в источнике).

Даже краткий обзор тех направлений, по которым содержатся сведения в панегирике, показывает, что энкомий Никифора Григоры королю Кипра Гуго IV Лузиньяну представляет первостепенный источник для специального изучения кипрско-византийских идеологических связей середины XIV в.

В заключение привожу свой перевод энкомия (по изданию П. Л. М. Леоне).

От Никифора Григоры королю Кипра

1. О высочайший, славнейший, благороднейший, светлейший, великий король Кипра и Иерусалима! Весьма многие из тех, которые прибывают в этот великий город, после того как были пройдены многочисленные области и города, и острова, и земли, хотят рассказать о своих путешествиях тем, которые случайно встретятся им «ночью или днем». И прежде всего те, которые имели от природы такой язык, что раскрывает лабиринты мысли, становятся лучше самих себя скорее, когда в похвалах тебе они оправдали себя самих и упрочили власть языка. И затем, спрошенные слушателями, они, как по природе жаждущие лично видеть и многие места обошедшие, «и многих людей города и обычаи познавшие», больше восхваляют Кипрское государство и твою справедливость, и сколь великими благами ты богат. Они отвечают, воспроизведя всем известное изречение аристотелевской мудрости. Ибо как тот, спрошенный, «почему с кра-

сивыми мы дольше общаемся», ответил, что «этот вопрос есть вопрос слепого», так и эти, кем бы то ни было спрошенные, почему на похвалах тебе они задерживаются дольше и считают сладчайшей отрадой удовольствие рассказать о тебе, говорят, что этот вопрос есть вопрос глухого. В самом деле, когда такие, как говорится, почти безумолчно рассказывают самое наилучшее о твоих достоинствах и все слушают и удивляются, всякий, кто остался несведущим, был, говорят, совершенно глухим с самого рождения и был лишен лучших ощущений. Хотя водные просторы, то есть моря, действительно обширны (какими бы ни украшены островами самыми большими и самыми маленькими или среднего размера, и не из Индийского океана и не из того, распростертого дальше Атлантид, и не из Средиземного моря, которое отделяют Геркулесовы столпы), молва донесла до нас, какую и насколько великую славу обрел твой Кипр: конечно, он, о котором говорится,— не Золотой Херсонес и не Фула, лежащая севернее всех территорий ойкумены, и никакой из Британских, и не из тех же, которые к югу и против южного ветра населяют индийцы и эфиопы, как удивительная по размерам Тапробана, и не те, которые имеют как весьма близкое и соседнее гирканским народам Каспийское море, так и очень обширное море, начинающееся от Гадирских и Геркулесовых столпов, которое подходит совсем близко к гиперборейским скифам, завершается же у твоего Кипра или начинается скорее от Кипра, завершается же у Геркулесовых столпов, ибо так справедливее и пристойнее говорить. Конечно, когда существуют две крайние области этого укрощенного и притом нашего моря и одна — лежащий впереди знаменитый и удивительный Кипр, другая же определяется Геркулесовыми столпами, именно я считаю для себя лучшим даром, чтобы получило перевес разлившееся вокруг Кипра море, и предпочтительнее говорить, что оттуда течет вся эта возникшая влажная первооснова и завершается в плотную у Геркулесовых столпов, нежели наоборот. Хотя приходится быть границами описываемого моря той и другой крайним областям, отныне по правилу и закону я сам говорю, что начало его определяется, разумеется, нашим морем от Кипра, а не от Геркулесовых столпов. В самом деле, все поддерживающий солнечный жар, всемирный, я утверждаю, дневной светильник начинает свой бег с этой стороны неба, что видят от века все люди. Отсюда Кипр посажен богом, и с его территории нами и был увиден свет нисхождения умопостигаемого солнца и спасителя нашего бога и таинство всемирной радости. В самом деле, настолько мрачные, темные и дикие сословия существуют возле Геркулесовых столпов, насколько на Кипре культурные, приветливые и блистающие; и не только тела услуждая, но и сами души, они воспринимают лишь своим рассудком воплотившегося из-за нас и пострадавшего и воскресшего бога логоса и, короче говоря, настолько восточные и кипрские лучше

западных, насколько правда лучше лжи. В самом деле, если все сказочное, отдающее ложью, заслуживает насмешки (по крайней мере, все подвиги Геракла, основанные на мифах и вымыслах) и заслуживает большой насмешки и вызывает всяческую шутку, как, следовательно, считать для себя ложное похожим на истинное и как родилось то, достойное смеха, что главенствует среди воспеваемых и прославляемых? Так во всех отношениях твой Кипр по справедливости имеет право обеспечивать себе первенство.

2. Эти непосредственно от бога выгоды острову Кипру имелись, что совершенно очевидно, и ранее; когда же выгоды от бога через тебя и благодаря тебе, лучшему служителю, найденному богом, прибавились и присоединились, то кто был в состоянии рассказать достойно доброго имени? С другой стороны, тот, кто не рассказал как подобает, разве не был смущен? Доказательство, немедленно противопоставленное, имеется перед глазами. Ибо ты устранил с острова основания всякой несправедливости, изгнав ее отовсюду и предав полному уничтожению. Со своей же стороны ты внес справедливость, как знаменующую начало благородных деяний и как источник и фундамент порядка, и ввел ее в дом для себя и расположил к себе, справедливость, которая украшает государственные дела и всем человеческим действиям придает созвучие, и всякую вражду изгоняет с острова как без помощи, так и с помощью оружия, когда бог помогает учить справедливости и охранять ее; не расписывая только на словах важность добродетели, то есть весов правосудия и бесстрастность язычков таких весов, но и уместными действиями подкрепляя благопристойность речей, ты назначил путем выбора наилучших судей, блюстителей и покровителей свободы слова и равноправия, чтобы по забывчивости не уплыла прибыль; рыночные смотрители и продовольственные инспектора и судьи постоянно обходят рынки и весь остров, как и инспектора товаров и торгов и неутомимые стражи законов. Назовем к этому таксиархов и блюстителей законности не только одних государственных дел, но и нравов среди населения, разговоров и поведения, чтобы увядали и отсутствовали бедствия, которые вследствие лжи несут непостоянство и нарушение клятвы, а расцветали и изобиливали блага: благопристойность нравов и твердость решений, и подобающая правда языка в пределах всего острова, совсем как цветы в полях и теплый ветер летом, явно услаждающие и мысль и речь, и чувство. Я думаю, однако, что и Платон, если бы он оставался в живых, стал подражать бы тебе и полюбил твое, именно это, государство больше, чем некогда самим определенное. И тот, кто отправляется в столь частое плавание в Сицилию, плыл бы он скорее на Кипр ради тебя и твоего государства и законодательства.

3. Именно ты являешься причиной таких добродетелей этого

острова и равным образом твоя справедливость, оказавшаяся основой и фундаментом и непоколебленным основанием прекрасного здания, построенного гармонично и по отвесу. Конечно, добродетелями такого свойства одновременно создается и надстраивается богатство любви, и оно проходит сквозь все сооружение, точно также, как золотистый цвет кожи восстанавливает и распределяет радость душе и телу или, скорее, совсем как некий узел, стягивая и соединяя все сочетание вышеупомянутых достоинств. Ибо без любви нет никакой пользы от благодеяний. Действительно, это любовь оказалась истинной причиной твоей благосклонности к иноземцам и свободного состояния для всех, особенно же для всех пленных, которые скитаются, разнесенные и угнанные, по всей ойкумене и испытывают на себе ужасы плена; но как только они прибывают на твой Кипр, прибывают же те, на которых бог ниспосылал более благосклонный взгляд, они видят тотчас изменение своего образа жизни и прекращение бедствия, словно искупление проказы Христом, творящим чудеса, так как невероятным образом бедность стала матерью богатства, а несчастье — источником процветания. В самом деле, какие ужасы преследуют пленных, и все проклинают их и молят о предотвращении того, чтобы они случайно не встретились, все это отнесено с проклятием на долю тех, которые попытались для себя счастья на твоём острове и при твоей благожелательности позаботились о душе. Конечно, невозможно говорить, что жребий судьбы брошен для них именно здесь и не «время, что порождает непредвиденное», послало несчастным эту неожиданную перемену, но славно и благосклонно разлившееся на них с высоты божественное провидение, которое успешно привело их в твою державу, чтобы столь мучительный ужас плена стал началом радости, — между прочим, обстоятельство, очень легко убеждающее совершенно не посылать от себя проклятия, но каким-нибудь образом угождать приведенным в плен, на первых порах вопреки себе. До такой степени ты поразил всех отличной репутацией своего имени и к тому же ведешь без труда к своим горячим стремлениям всех издалика, сколько есть поклоняющихся красоте и любящих добродетель и сколько есть ученых и мудрецов, которые слушают постоянно прибывающих отсюда туда и рассказывающих о том и многом другом, и, конечно, они говорят, что едва лишь ты появляешься, как из-за самой внешности и красоты глаз будто очаровываешь души созерцающих какой-то тайной радостью, и мы видим то, что и происходит под влиянием солнечных лучей небесного дневного светила.

¹ См.: Hoc est Theoduli monachi, sive Thomae Magistri, Laudatio Gregorii Theologi, Nazianzeni: Eiusdem Orationes gratulatoriae IV et Epistolae VIII/ Ed. ac interpr. L. Norrmanno. Upsalae, 1693.

² См.: Laudatio regis Cypri // PG. 1865. T. 145. C. 397—404.

³ См.: Leone P. L. M. L'encomio di Niceforo Gregora per il re di Cipro (Ugo IV di Lusignano) // Byzantion. 1981. T. 51. Fasc. 1. P. 211—224.

⁴ См.: Treu M. Die Gesandtschaftsreise des Rhetors Theodulos Magistros // Jahrbücher für classische Philologie. Leipzig, 1902. Suppl.—Bd. 27. H. 1. S. 5—30.

⁵ См.: Leone P. L. M. L'encomio... P. 220. 2.

⁶ См.: Treu M. Die Gesandtschaftsreise.. S. 27.

⁷ См.: Ibid. S. 27. Anm. 1.

⁸ См.: Guillard R. Essai sur Nicéphore Grégoras. P., 1926. P. 151.

⁹ См.: Leone P. L. M. L'encomio... P. 212—214.

¹⁰ См.: Поляковская М. А. Общественно-политическая мысль Византии (40—60-е гг. XIV в.). Свердловск, 1981. С. 7—8 и след.; Закржевская О. Г. Концепция патриотизма Никифора Григоры // АДСВ. Свердловск, 1977. Вып. 14. С. 85 и след.

¹¹ Важность этих линий на примере Византии и Ирана подчеркнул Г. Л. Курбатов (см.: Курбатов Г. Л. Либаний об Иране // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 88).

¹² См.: Hill G. A History of Cyprus. Vol. 2: The Frankish Period, 1192—1432. Cambridge, 1948. P. 285, 304.

Н. И. ДЕВЯТАЙКИНА
Саратовский университет

ПРОБЛЕМА РИМА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ПЕТРАРКИ

«Я горжусь тем, что я итальянец по национальности и римский гражданин» — Петрарка был вправе произнести эти слова. Италия и Рим тоже гордились и продолжают гордиться одним из своих пламенных патриотов. Достаточно было бы одной канцоны «Моя Италия», чтобы имя поэта обрело бессмертие: столь жгучей болью за бедствия родины наполнены эти стихи, столь горячей надеждой на ее возрождение и процветание и страстной жаждой «мира, мира, мира!» в ее пределах.

Но первый гуманист не просто питал сыновний чувства к «лучшей части мира». С ранних лет до последнего дня он глубоко размышлял о блестящем прошлом и горестном настоящем своей страны, причинах раздоров и бед, о ее властителях и героях, переплетении интересов папы, императора, мелких итальянских государей, о путях объединения Италии и силах, способных это осуществить. Раздумья о политических судьбах Рима, его роли в античности и в современную Петрарке эпоху тесно связаны с этим.

Случайности здесь не было. Бурные драматические события истории Рима XIV в. то, казалось бы, начинали восстанавливать его былое величие, то опускали его в волны феодальной анархии и беспорядка (особенно после переезда папства в Авиньон). Германские короли предпринимали очередные попытки подчинить Рим и Италию империи, авиньонское папство, равнодушное к судьбам оставленной столицы, иногда пыталось